

АВТОРИТАРИЗМ

ГИ ЭРМЕ

АВТОРИТАРИЗМ

GUY HERMET

Autoritarism

Ги Эрме - директор французского Национального фонда политологии. Сокращенный перевод главы из второго тома "Очерков по политологии" /в 4-х томах/¹.

"Авторитаризм", строго говоря, обозначает такое отношение между властью имущими и руководимыми, которое основывается в большей степени на силе, чем на убеждении. Равным образом, это и такие политические отношения, при которых пополнение руководящих кадров осуществляется путём кооптации, а не предвыборной конкурентной борьбы между кандидатами на ответственные общественные должности. И наконец, употреблению этого слова сопутствует не всегда точное представление о том, что режимы этого рода игнорируют установленные законом процедуры замены и мирного смещения их руководителей, что прекращение и передача власти в них есть результат насильственной конфронтации, а не институционализации.

Эти элементы придают авторитаризму еще один атрибут - то, что мы считаем его незаконным. Однако незаконность авторитарных правителей не обусловлена главным образом отсутствием консенсусной поддержки народа по отношению к ним. Ибо в ряде случаев недостаток консенсуса не является столь уж очевидным, кроме того, самые тяжкие тирании могут быть вполне одобрены плебисцитом. Так было в гитлеровской Германии в 1933 г., а ближе к нашим дням - в Иране при аятолле Хомейни. Это не мешает авторитаризму сохранять свой незаконный характер, если незаконность понимать скорее в интеллектуальном, чем в социологическом плане и соотносить её со всеми культурными нормами, преобладающими на Западе. Авторитарные режимы

1. *Traité de science politique. v.I-IV. Ed. par M. Grawitz. Paris 1985.*

незаконны потому, что они не соблюдают наши, основанные на так называемых общечеловеческих ценностях правила и законы - в том, что касается присвоения, обладания, практического осуществления и передачи политической власти. Их незаконность проявляется в их действиях по отношению к руководимым ими людям и к их международным партнёрам.

Такое представление позволяет одним учёным (например, Б. Крик) относить авторитаризм в область "антиполитики", как непознаваемое и оскорбительное для политолога явление, а другим, более искушенным, считать авторитаризм не совсем ясным проявлением характера таких правительств, которые они лично осуждают, но не решаются отнести к абсолютно тоталитарным. Не лучше ли было бы во избежание подобной субъективности вернуться к старому понятию "диктатура", которое имеет по крайней мере то достоинство, что проясняет проблему "легитимации"?

Современная "диктатура" соотносится не столько с одноименным римским явлением, сколько с императорским, царским авторитаризмом - прежде всего с древнегреческой тиранией, где власть деспота обеспечивалась силой и несоблюдением законов. Вместе с тем ясно, что современный авторитаризм выходит за пределы канонов античной тирании (с. 270). С одной стороны, он зачастую выставляет в смешном виде ту озабоченность законностью, которую проявляет диктатура римского толка. Известно, что не все диктатуры нашего времени установились с помощью государственного переворота, что некоторым удаётся прийти на смену представительному правительству без чрезмерного попрания буквы конституции, как например, в случае с нацистским режимом. Сегодня вообще редко встречаются такие авторитарные режимы, которые бы не представляли себя в качестве борцов за оздоровление демократии или за строителей демократии; об этом свидетельствуют и 1936 год в Испании, и современные речи военных в Бразилии или в Африке. Это позволило Ф. Нойману, а позднее Р. Арону приписать всем современным авторитарным режимам такую идеологию и такую динамику, которые пронизаны демократией,

позволяющей им при благоприятных обстоятельствах осуществлять позитивные демократические процессы. Более того: в каждой тирании должен быть тиран, а в каждой диктатуре - диктатор. А нынешние авторитарные правительства всё чаще основаны на коллегиальной власти, когда глава государства выступает лишь как "равный среди равных" или лидер "группы по интересам". Но даже если бы харизма главы государства вначале была бы такой же, как и у классического диктатора, ныне нет ни одного авторитарного режима, который не имел бы тенденции к обезличиванию этой харизмы и к её субординационному подчинению коллегиальному руководству.

Все соглашаются на том, что к современной политической реальности более применим термин "авторитаризм", чем диктатура или тиранья. Применим даже к такой действительности, когда государственная власть сосредоточена в руках тех индивидов или групп, которые в первую очередь озабочены тем, чтобы избежать свою политическую судьбу от риска конкурентной борьбы, контролировать которую от начала и до конца невозможно. Возможно, это и составляет определение феномена "авторитаризм".

Отказ идти на риск, связанный с допуском оппозиции на "политический рынок", характерен не только для авторитаризма. Он присущ тоталитарным системам и тем более правительствам "третьего мира", где эта оппозиция настолько незаметна, что её бесполезно искать. Больше смущает другое - отказ от открытого соревнования лежит на совести и самих демократических режимов, по крайней мере, на их ранней, олигархической стадии, порой - как, например, в Латинской Америке - и не преодоленной. Следовательно, применительно к авторитаризму это - весьма нечёткий критерий. И тем не менее этот критерий даёт возможность вычленивать авторитаризм из всех других форм власти (с. 271). По крайней мере, задачу проведения границы между демократиями и авторитарными режимами легче решать на уровне изучения действия принципа конкуренции при наборе кадров руководящего состава.

Ведущие политологи обращают внимание на сокращение численности и возрастание мощи руководящего состава. Кроме того, они

предъявляют к демократии требование использовать такие процедуры, когда, как пишет Хантингтон, "лидеры избираются в рамках выборов на конкурентной основе". Исходя из этого, Хантингтону ясно, что "авторитарные системы - это системы недемократичные". Во всяком случае, политологи считают, что демократия **требует** равного избирательного права для всех, реального участия и "просвещенного понимания" со стороны избирателей и вынесения на их одобрение вопросов в ясных, без подвохов, формулировках. Действительно, требовать такого от авторитаризма - это слишком много.

Однако граница между тоталитаризмом и авторитаризмом еще незаметнее, чем между демократией и авторитаризмом. Главная трудность в том, что политологи применяют к политическим системам дихотомию в духе Хантингтона и Дала, которая есть упрощение, не имеющее ничего общего с действительностью. При таком подходе два способа правления - демократия и тоталитаризм - представляют собой абстрагированные противоположности. Исходя из этого, авторитарная власть представляется остаточной категорией - результатом незрелости демократии или тоталитарным перерождением, в то время как в действительности она является наиболее распространенной политической формой в мире с незапамятных времен. Этот факт не мешает Р.Арону или Е.Вятру постулировать, что между авторитарными режимами, близкими к демократии, и теми, что тяготеют к тоталитаризму, существует лишь разница в степени либеральной терпимости или гегемонистского контроля (с. 272).

Перефразируя Дидро, скажем, что лишь "академической логикой" можно оправдать сравнение несопоставимых демократии и тоталитаризма, в то время как логика скромных аналитиков реальной политики **требует** выделения третьей категории - "авторитаризма". Представители англо-американской школы "политического развития" еще больше усложнили проблему. Согласно их теории, демократия, как и тоталитаризм, присущи только промышленно развитым обществам, а авторитаризм якобы является способом правления "незападных" моделей общества, не способных усвоить ни первую, ни вторую модель.

Конечно, не следует недооценивать значение социокультурных факторов в генезисе систем правления, но главное в том, что для классификации форм власти, и, в частности, для проведения границы между авторитарной и тоталитарной политикой нужно в первую очередь как минимум изучать политику как таковую. В противном случае при изучении "третьего мира" стираются различия между такими несхожими режимами, как индийская многопартийность, танзанийский кооперативизм или бразильский авторитаризм. Тогда и в индустриальных или, иначе говоря, в европейских обществах под "тоталитарно-авторитарную" рубрику неизбежно попадут такие антиномные системы, как диктатура Сталина и диктатура Салазара. Следовательно, важно установить видовые различия между авторитаризмом и тоталитаризмом, при этом следует избегать оценочных суждений и не применять понятие "тоталитарный" как бранное слово, а "авторитарный" - как меньшее в сравнении с ним зло. В более аналитическом ключе различия между той и другой политической формой последовательно устанавливаются в зависимости от их отношения к обществу и этики, на которой оно базируется.

Главное расхождение между тоталитарной и авторитарной системами заключается не в том, применяют ли они интенсивный полицейский террор или нет. Бывают террористические тоталитарные системы (например, нацистская Германия или Россия при Сталине) и сравнительно безобидные тоталитарные системы (например, Венгрия). Некоторые авторитарные системы могут использовать систематическое насилие (франкизм начального периода или гватемальская диктатура в наши дни), в то время как другие используют репрессии в минимальном объеме (франкизм в последний период и режим в Бразилии 70-х годов) (с. 273). Не может служить достаточным критерием и однопартийность, которая присуща и тоталитарным и авторитарным режимам.

Решающее различие находится на других уровнях. Для авторитаризма **в западных моделях общества характерно сохранение дифференцированных отношений с государством и обществом.** Тоталитарное государство, наоборот, игнорирует эти отношения в

своём стремлении к гегемонистскому "преодолению" классовых барьеров. Тоталитаризм отвергает плюрализм, который он старается устранить из социальной действительности разными способами - от убеждения до кровопролития, включая главный элемент: ликвидацию частного способа производства. Политолог Х. Линц рассматривает буржуазно-капиталистический авторитаризм как сильное государство, задуманное как гарант социального, экономического, а возможно и идеологического и политического плюрализма. Само его появление обусловлено, по мнению Линца, этим плюрализмом. Более того, авторитаризм интегрирует плюрализм в свою политическую практику, ставя ограничения лишь явно революционным течениям или тем, что способны поставить под угрозу буржуазный плюрализм. Для этого он прибегает либо к глобальному, либо к избирательному запрещению партий и профсоюзов.

Если единоличный или коллективный диктатор или потенциальный террор присущи как авторитаризму, так и тоталитаризму, то "ограниченный плюрализм" такого рода присущ только авторитарным режимам. В свете этого, пользуясь понятием, введённым Ж. Лека и Б. Жобером, можно считать, что "политическая селекция" является: 1) в демократиях - полной, в силу релятивистской интерпретации мажоритарного принципа; 2) при авторитарных режимах - частичной и произвольной; 3) в тоталитарных системах - нулевой в силу абсолютного преувеличения мажоритарного принципа.

Второе различие относится к идеологии, а точнее к "идеологической мобилизации" - активной поддержке. Авторитаризм, в силу присущей ему динамики, должен терпимо относиться к существованию иных (помимо государства и единственной партии) факторов социализации и при этом пытаться все же обеспечить своё влияние. Зато тоталитаризм не имеет ничего общего с либеральным деспотизмом. По своей природе он призван ликвидировать как социальный, так и идеологический плюрализм во имя объединительной идеи, воплощаемой на базе монопольного представительства народа и культуры. Если авторитаризм подавляет свободную стихию "политического рынка", но не оспаривает в принципе права на

автономное разнообразное самовыражение общества, то тоталитаризм ставит перед собой задачу ликвидировать автономию вплоть до её движущих сил, включая остаточные, например, религиозные проявления, которые, согласно его логике, обречены на отмирание. Поэтому в известном смысле Советский Союз следует считать тоталитарным режимом, в то время как гитлеровская Германия таковым считаться не может в силу того, что в ней была сохранена относительно независимая от государства экономическая, профессиональная и интеллектуальная инфраструктура (с. 274).

"Тоталитарный синдром", по словам западногерманского политолога Х. Арендт, это присущая европейцам с XVIII в. реакция на индивидуализм. Иными словами, это побочный эффект западно-европейской системы ценностей, в соответствии с которой "образ жизни и мировоззрение, полностью сориентированные или на успех, или на поражение индивида в безжалостной конкуренции", обусловили взгляд на гражданскую ответственность как на "пустую трату времени и сил". Х. Арендт делает вывод, что такая буржуазная позиция очень удобна для диктатуры, когда "посланный провидением" человек берет на себя бремя ответственности за управление государственными делами. Правда, Арендт описывает механизм авторитаризма, а не тоталитаризма, при котором граждане уходят от индивидуализма и образуют, по её словам, "единую бесформенную массу рассерженных индивидов". В этом её рассуждении заметно признание относительного преимущества авторитаризма, который "предполагает ограничение свободы, но не полную её отмену". Зато Х. Арендт недооценивает многообразие авторитарной политики, которая, правда, во всех своих проявлениях имеет одно общее - попытку скрыть классовую борьбу, которая для демократии является составной частью, а в тоталитарных системах объявляется беспредметной.

Авторитаризм не означает волюнтаристского отрицания институционализированной власти. Как показал политолог Ф. Шмиттер, "авторитарные режимы не являются ни произвольными, ни постоянно меняющимися"; им обычно соответствует манипулируемое из центра равновесие между равноправными институциональными

иерархиями", такими как администрация, церковь, деловые круги и т.д. (с. 275).

Популистские режимы характеризуются преувеличением принципа "народного". Такие политологи, как Ионеску и особенно Геллнер рассматривали популизм как авторитарную стратегию контроля над массами, используемую в условиях "либеральной экзотики" Латинской Америки (с. 288).

Во всяком случае, популистская стратегия есть результат разработанного в верхах волонтаристского плана контроля над требованиями о всеобщем голосовании, которые принимаются под давлением событий, а не в силу убеждений руководства. Манипулирование с плебисцитом является инструментом ослабления агрессивности народа, чего авторитаризму не удаётся добиться с помощью избирательного ценза или "частного кумовства" (с. 289).

Популизм в Латинской Америке вырос на почве искажений в экономическом развитии по сравнению с Европой и Северной Америкой. Отставание Латинской Америки создавало всеобщее ощущение несамостоятельности и отчаяния. Именно это питало идеологию всех видов популизма и позволило ему, обличающему западный империализм с националистических позиций, предстать в качестве альтернативы учению о классовой борьбе в каждой из стран Латинской Америки.

Обычно определения, даваемые популизму, являются обобщением характеристик, которые ему дают сами популисты. Так, например, Варгас считал популистского вождя "отцом бедняков", харизматическим вождём, которому не нужны посредники между ним и народом. Политолог Шилс, одним из первых проанализировавший феномен популизма, понимал его как выражение вождём народной воли и как заключение одобренного большинством прямого договора между горячо любимым диктатором и активно демонстрирующим поддержку народом. Так же понимает это и Джинно Джермани, который обозначает популизм как "требование равноправия на основе разновидности авторитаризма". Однако Джермани выявляет и одну глубокую характеристику популизма. Имеется в виду та ловкость, с которой популисты вовлекают разочарованные

подтасованными выборами массы в менее абстрактную, чем выборы, политическую игру: участие в политической жизни с помощью массовых манифестаций и повышение самосознания народа перед лицом космополитического империализма.

Политолог Питер Ворсли сформулировал прочие свойства популизма: 1/ не столько прагматическая, сколько моралистическая динамика, т.е. расчётливое и сознательное недоверие к индустриализации; 2/"обратный эффект", в силу которого "мистический контакт с массами" воздействует не только на эти массы, но и на их лидеров, которые сами оказываются во власти собственных политических жестов; 3/ грубый и антиинтеллектуальный характер идеологии популизма, возвышение "маленьких" людей, коренного населения, которое увязывается с критикой крупных предприятий в целом; агрессивная фразеология, за которой, однако, не кроются никакие революционные планы, поскольку ортодоксальный популизм в действительности защищает традиционное неравенство (с. 290).

Определение, которое политолог Джеймс Курт дал популизму как "родовому или клановому социализму", образованному в результате коалиции между главой клана или рода и интегрируемым малочисленным рабочим классом, не вносит в вопрос ясности. Во-первых, даже если оно справедливо применительно к деревне, в городе эта система кумовства не охватывает ни верхи, ни городские низы, плебс; а во-вторых, будучи видовым, это определение должно быть справедливым для всех многочисленных, противоречивых реальных форм популистских органов власти.

Другой политолог Франсуа Буррико занимается выяснением того, как давно существует этот феномен - "популизм". В своём латиноамериканском проявлении популизм опирается на поддержку средних классов, в основном не испытывающих добрых чувств к господствующей олигархии. Но это лишь второстепенный вывод из анализа, который Буррико применил главным образом к мексиканской революции и перонизму. Главное же для Буррико заключалось в изменчивом характере популизма. До того, как прийти в Латинскую Америку, это явление имело в XIX в. прецеденты в

США в виде борьбы мелких землевладельцев центральных регионов против лэндлордов и капиталистов побережья страны, а также - в ту же эпоху - в виде буланжистского течения, а позднее "народного католического" течения, вылившегося в Западной Европе в христианскую демократию. Говоря же в более широком плане, популизм вырос из романтического сентиментализма, возврата к ценностям предков, из стремления "к истокам", выражаемых русскими народниками и пангерманистскими трубадурами фолькгейста - народного духа.

Не пытаюсь исчерпать дискуссию о сущности популизма, завершив этот вопрос рассмотрением различных проявлений популизма как категории правления. Остановимся на популизме как проявлении авторитаризма, свободном от представительных институтов, поскольку он претендует на воплощение собой более высокой, чем они, стадии развития. С этой точки зрения, самым ярким примером классического популизма является режим Варгаса в Бразилии, который отвечал задаче обеспечения политической поддержки консервативных целей со стороны всех классов, опираясь в деревне на помещиков, а в городе - на созданные под эгидой государства и его "посланного провидением" лидера социал-демократическую партию, правопреемницу мелкой буржуазии, и лейбористскую партию, правопреемницу рабочего класса (с. 291).

Вторая, строго говоря, также классическая, разновидность популизма представлена нынешней политической системой Мексики, для которой характерно наличие господствующей партии, а также потерпевшим поражение в Перу течением АПРА (Американским национально-революционным альянсом). Особенность мексиканского популизма состояла в том, что коллективным лидером выступала правящая группировка - Институционно-революционная партия (ИРП), а глава государства рассматривался лишь как эманация этой группировки. Мексиканский популизм "революционен" лишь в буквальном смысле слова, т.е. как "переворот", в котором новая олигархия заменила старую, когда все возвращалось к исходной точке, но сопровождалось неизбежным переходом из рук в руки земельной собственности.

Особые формы выражения представлял со своей стороны и военизированный популизм. Эта оригинальная парадигма обнаруживается в Египте при Насере. В том, что касается его стратегии "революционного" развития новой олигархии на базе аграрной реформы с контролируруемыми демократическими последствиями, то тут насеризм напоминает мексиканскую разновидность популизма. Отличается же он классическим преувеличением харизмы лидера как на начальной фазе (при Насере), так и на последующей буржуазной фазе - при Садате. Кстати, в этом случае миф об арабской идентичности играет ту же роль, что и индейский "национально-коренной" миф. Причем, насеризм в свою очередь стал объектом для подражания в Латинской Америке, особенно на радикальной фазе военной диктатуры в Перу в 1968-75 гг.

И наконец, остаются еще аутентичные, подлинно революционные виды популизма. Они, вероятно, попадают в другую видовую категорию. Таков, несомненно, кастризм первых лет, основатель которого вел себя как каудильо, но который впоследствии вылился в нечто совершенно иное, чем простая реставрация либерального кумовства". Зато перонизм представляет собой исключение, подтверждающее правило, а именно: существование авторитарного популизма оправдано социальным примирением; так что если оно не происходит, то он тонет и губит себя в бесконечных повседневных демагогичных ухищрениях (с. 292).

Популистский авторитаризм по времени совпадает с началом и даже с реальным существованием фашизма. Фашистский синдром обозначает разрыв с либеральной логикой, которая всё же присутствует популистским диктатурам почти в той же степени, что и демократическим режимам. Это исходная точка новой авторитарной динамики, для которой характерно открытое отрицание суверенитета народа как источника легитимности власти.

Разъяснение природы и лица фашизма - задача нелёгкая. Во-первых, потому что в наши дни в политической лексике нет более позорного определения, чем "фашистский"; а во-вторых, анализ затрудняется крайним разнообразием этих режимов по шкале такого явления, как тирания. В этом смысле нацизм воплощает собой

"норму" фашизма, который в силу своих кровавых ужасов стал тоталитарным. Однако традиция, которая за отправную точку берёт сталинизм, рассматривает его лишь как "гитлеровский уклон" того течения, образец которого дала муссолиниевская Италия и от которого отпочковались поздний франкизм и салазаризм, превратившиеся в обычный авторитаризм, причем с либеральным оттенком.

Посвященная фашизму литература настолько обширна и качественна, что единственное, что можно сделать, это изложить ее отдельные положения. Некоторые из этих работ посвящены, правда, не столько авторитарным режимам, сколько психологии или политической философии. Такова, например, интерпретация с позиций кризиса европейского индивидуализма, которая разрабатывалась как самими фашистскими авторами, вроде Д.Джентиле и Д.Гранди, так и исследователями фашизма (например, Б.Кроче, Ортега-и-Гассет или более близкие к нам по времени Т.Парсонс и У.Корнхаузер) (с. 293). Х.Арендт, в свою очередь, увязала морально-философский подход с социологическим, установив взаимосвязь между тоталитарным характером фашизма, прежде всего нацизма, и антииндивидуалистической реакцией тех членов распыленного общества, которые стремились восстановить коллективную идентичность на культурной или этнической основе. Политологи П.Натан и В.Райх рассмотрели эту реакцию в свете парадоксальной фрейдовской концепции, в то время как Э.Фромм применил к ней марксистско-фрейдовскую схему, а Т.Адэрно в этой связи предложил свою экспериментальную "модель авторитарной личности".

Непосредственный интерес для понимания исторических пружин и механизмов фашистских режимов представляют работы, касающиеся их социального генезиса и организационных особенностей. В этой связи отрадно констатировать, что марксистская трактовка этого феномена вскоре вышла за рамки чеканного определения, данного III Интернационалом в 1935 году, когда фашизм определялся как открыто террористическая диктатура наиболее реакционных и шовинистических империалистических элемен-

тов финансового капитализма. Конечно, и впоследствии работы марксистской школы всегда отдавали дань классовой борьбе и безоговорочному осуждению крупного капитала. Но непредвзятость часто приводила к объективности. В частности, в работах этой школы доказано, что итальянский фашизм и нацизм обусловлены не столько махинациями банкиров и крупных промышленников, сколько вылившимся в действия разочарованием мелкой буржуазии, до той поры лишенной доступа к верхним этажам власти и ныне оказавшейся под угрозой быть "обойденной" на этом пути рабочим классом как раз в тот момент, когда она по праву рассчитывала прийти к власти.

Ещё до 1935 г. Л.Троцкий отметил, что "фашистское движение в Италии было стихийным движением широких масс", и примерно в то же время Отто Бауэр сконцентрировал внимание на выявлении его мелкобуржуазной динамики. Тем самым они оба положили начало новой марксистской интерпретации этого феномена. Б.Моор также характеризовал фашизм как "попытку придать реакции и консерватизму народный и плебейский аспект". В более позднем исследовании Бауэр указывал, что в фашизме воплотился антагонизм средних классов по отношению к элите, стремление средних классов взять власть от своего имени, а не делегировать ее в рамках парламентских режимов, верхушечным и демагогическим характером которых они игнорировались. В известном смысле фашизм приобретал антиолигархический характер в двух планах. В долгосрочном плане он выражал амбиции "промежуточных слоёв", не желавших более терпеть "затирания" в условиях, когда в обществе полным ходом идут индустриальные изменения. В ближайшем плане он отражал их опасения, что власть имущие заключат за их счет и в ущерб им тактическое соглашение с рабочим классом в период экономического кризиса и социальных потрясений.

Этот марксистский вклад в понимание социогенезиса фашизма представляется тем более ценным, что с появлением работ Г.Лукача и М.Вайды он вылился в радикальный пересмотр процесса, который последовал за этой основополагающей фазой (с.294).

Ибо не следует излишне доверять той идее, что плебейские "кадры" итальянского и немецкого фашизма служили лишь прикрытием интересов капитала, что "доказывает" сохранение этими режимами основных элементов, составляющих автономию гражданского общества и его капиталистического способа производства. Вайда подчеркивает, что в действительности особенностью фашистского руководства было не только то, что по своему происхождению, менталитету и целям оно было глубоко чуждо старой касте аристократического, военного и буржуазного руководства. Помимо этого оно все больше вступало в прямое противоречие с этой кастой как в экономическом, так и в других планах. Оно пустило в ход процесс своеобразной социальной модернизации с долгосрочной отдачей, поскольку действительно понизило статус прежних господствующих слоев в пользу нового порядка прихода к власти - в зависимости от личных заслуг перед новым режимом.

По сравнению с марксистским вкладом вклад немарксистских политологов выглядит скромным. Однако нужно отметить, что Р.Дарендорф опередил Вайду в открытии эгалитаристских эффектов нацизма. Оригинален также подход Х.Линца и С.Роккана. Первый известен своим изучением отличий фашистских режимов тоталитарного стиля, насажденных в Италии и Германии, от "подражательного" фашизма, распространенного в других странах, особенно в Испании, Португалии, Венгрии, Румынии, Хорватии и Словакии. Линц предполагает, что фашизм как массовое движение и как руководящая партия не развивается полностью в тех странах, где реакционные группы общества в качестве замены ему используют армии, монархии и государственные бюрократии (как, например, на Юге Европы и на Балканах). Роккан, со своей стороны, рассматривает фашистский синдром в историческом плане и подчеркивает, что зона его преимущественного распространения совпадает с территорией бывших империй - Священной Римской и ее испанской разновидностью, а также с зоной, которая вплоть до XIX в. оставалась европейской экономической периферией. По его мнению, фашизм представляет собой один из

аспектов отрицательной реакции на отставание в деле складывания сильной национальной и экономической идентичности.

Нужно отдать должное тем немногочисленным немарксистским политологам и историкам, которые изучали механизмы управления фашистских режимов. Э.Бжезинский и С.Фридрих на примере фашистской Италии, нацистской Германии и советской системы изучали их не столько как авторитарную, сколько как тоталитарную модель, характеризуемую гегемонией одной партии, всевластием полиции, монополией одной идеологии и отрицанием прав человека (с. 295). В этом же ряду анализ фашизма как авторитарной власти, выполненный Х.Линцем, к сожалению, на примере франкистского режима, т.е. "подражательного" фашизма, далекого от итальянской и особенно немецкой "нормы". Следует упомянуть и исследование Лассуэлла и Лернера об обновлении элит при фашизме и нацизме.

Фашистские системы являются предпоследней фазой современного авторитаризма, представленного сегодня новыми технократическими или военными диктатурами "передовых", развитых обществ и разнообразными формами авторитаризма "третьего мира". Разным формам авторитарного феномена посвящались работы существующих примерно с 1960 г. двух направлений политологии. Первое - это эволюционистская интерпретация американской школы "политического развития", занимающаяся прежде всего вопросами динамики власти в незападном мире. Второе охватывает разрозненные попытки создать типологию авторитаризма, присущего Латинской Америке и Южной Европе.

Б.Бади прекрасно описал школу политического развития в целом, и это позволяет нам ограничиться лишь рассмотрением тех положений этой школы, что касаются конкретно авторитаризма. В работах Шилса, Алмонда и Коулмэна основная мысль заключалась в том, что авторитарные правительства знаменуют собой такой этап в процессе развития, который при благоприятных обстоятельствах переходит в социальную диверсификацию и секуляризацию, на смену которым приходит демократическая фаза (с.296). Впоследствии Пай высказал сомнение в том, что авто-

ритаризм может перейти в демократию и в том, что авторитаризм как таковой представляет собой "современную" форму правления.

Вообще же это направление избегает употреблять понятие "авторитаризм". Одни его представители, например Эптер и Хантингтон, придают ему второстепенное значение, другие, например Дал, пользуются другой терминологией. Эптер выпускает из поля зрения это понятие, когда вводит различие между "политическим развитием", под которым он понимает динамику, присущую власти в незападном обществе, и "политической модернизацией", т.е. имитацией этими обществами западной модели правления. Хантингтон по-своему тоже сглаживает это явление: по его мнению, главный водораздел проходит между "гражданскими обществами" и "преторианскими обществами". Он считает, что формы правления в каждой стране менее важны, чем наличие или отсутствие процессов социальной диверсификации и автономизации государства, ведущих к классическому механизму разделения сфер частнопредпринимательской и политической деятельности. Этим процессом обусловлено появление представительных институтов в гражданском обществе или захват кланово-родовой власти небольшими группами в "преторианском обществе". При такой ограниченности авторитаризм с трудом вписывается только в "преторианизм", хотя впоследствии Хантингтон дополнил свой абстрактный подход весьма банальным изучением однопартийных режимов, возведенных им в парадигму авторитарной власти. Дал, со своей стороны, сосредоточился на обновлении политической лексики. По его терминологии, явление авторитаризма вписывается в схему отношений власть имущих с руководимыми, с учетом роли, отведенной оппозиции. Это - предельно упрощенная двухполосная схема, идеально представляющая либо "полиархические системы", допускающие оппозицию, демократические, либо "гегемонистские" системы, исключаящую всякую оппозицию.

При обращении к истории задача школы "политического развития" заключается в выяснении движущих сил и пружин в процессе дифференциации западных систем власти. Решающий вклад

в это направление сделал Б.Моор. Конечно, Моор не высказывает ничего оригинального, подразделяя политическую модернизацию на буржуазную революцию англо-американского или французского типа, "верхушечную" революцию в прусском или японском стиле, "крестьянскую революцию", где власть получает диктаторский коллектив, как в России или в Китае. Зато он вводит новшество, широко объясняя политику при помощи экономического детерминизма. Способ контроля над коммерциализируемыми излишками сельскохозяйственной продукции, образованными переворотом в земледелии и сельском хозяйстве в XVIII-XIX вв., понимается им как главный фактор либо парламентского авторитарно-реакционного, либо революционно-авторитарного устройства современных государств в долгосрочной перспективе (с.297). Согласно Моору, факт завоевания этих излишков буржуазной элитой объясняет, каким образом она получила материальную базу для освобождения от монархического государства и введения впоследствии прямой парламентской и репрезентативной власти. И наоборот, тот факт, что само государство в Пруссии или в Японии получило контроль над этим экономическим ресурсом, обусловил подчиненное положение их элит, а тем самым и длительное сохранение авторитаризма в этих странах, не имевших демократического "фермента" в виде материальной самостоятельности хотя бы у части общества. И наконец, революционный авторитаризм России и Китая, который вначале имел сходство с названным выше типом, но затем вступил с ним в противоречие, когда крестьянский бунт не был компенсирован противовесом со стороны буржуазии, и в результате с неизбежностью был направлен в определенное русло малочисленным радикальным руководством, не имевшим социальной опоры и даже, на тот момент, особых собственных интересов.

Работа С.Роккана, посвященная только Западной Европе, обогатила социально-историческое направление изучения авторитаризма. Уже говорилось, что Роккан установил зависимость между развитием фашизма и исторической спецификой стран Центральной и Южной Европы, где Священная Римская Империя и империя Габсбургов представляли препятствие для развития нацио-

нальных государств. В этих условиях авторитаризм выступает как экстренное решение и быстродействующая мера против отставания в деле национального строительства. Эта же гипотеза использована Рокканом в "концептуальной картографии" образования политического раскола в Европе. Отправная точка в этой "картографии" - Реформация и начало капитализма, из нее выходят две оси - на оси "Север-Юг" располагаются политические единицы, связанные с духовной властью Рима, а на оси "Восток-Запад" - торговые, политически автономные города Голландии, долины Рейна, севера Италии (с.298). На основе этой карты Роккан объясняет, что политическую терпимость, а впоследствии демократические тенденции правительств северо-западной периферии, в частности Англии и Голландии, можно трактовать с точки зрения удаленности одновременно и от центра католического авторитаризма в лице папства и от центра независимости рейнских и голландских городов. Соответственно, нетерпимость или авторитаризм "центральных" Франции и Германии объясняется их близостью к римской власти, а также желанием пресечь опасное влияние буржуазных правителей суверенных городов.

Парадигмами школы "политического развития" и социальной истории не исчерпываются новейшие исследования по авторитаризму. Сегодня делаются попытки разработать категории авторитаризма, применимые к современности, и в целом они намечают современную типологию этого феномена:

В этой связи вновь привлекают внимание работы Х.Линца. И действительно, Линц не удовлетворяется видовым определением авторитаризма, который он формулирует как способ правления "с ограниченным плюрализмом". Тем самым он обозначает такой тип консервативной власти, который, не имея в наши дни возможности лишить права голоса большие массы людей с помощью ценза, прибегает с этой же целью к глобальному или избирательному запрещению партий и профсоюзов. В условиях, когда разрешены только те течения, которые способствуют поддержанию социального равновесия, силы, находящиеся "с правильной стороны" плюра-

лизма, могут законно выступать на стороне власти по каналам якобы непартийных организаций или даже партий, отобранных по принципу их конформизма. С другой стороны, те силы, которые угрожают статус-кво, обречены быть вне закона и в подполье, чем и оправданы откровенные репрессии против них. В силу этого такие системы оказываются "либеральными" пост-парламентскими полудиктатурами, исполнительную власть в которых олицетворяет харизматический лидер, наподобие генерала Франко и президента Салазара. Однако они могут уживаться и с сильной, но конституционной президентской властью, как например, в Мексике или с почти коллегиальным руководством, как например, при военном режиме в Бразилии. Точно так же они могут преобразоваться в системы нерегулярной кооптации, периодически производимой с целью получения новой поддержки, обычно популистского толка.

В схемах этого типа широко используется категория "корпоративный авторитарный режим" для характеристики прямых или, иначе говоря, внепарламентских отношений, которые устанавливаются в этом случае между кооптируемыми социальными или экономическими силами и центральной властью /с. 299/.

Продолжая подход Линца, Ф.Шмиттер исследует "корпоративно-этактический" порядок на примере Португалии до 1974 г. или Бразилии после 1964 г. Он подчеркивает, что этот порядок сопровождается делегированием некоторых атрибутов государства промежуточному корпусу или слою профессионалов, деятелей культуры и образования, что представляет собой парадоксальную на первый взгляд "либеральную" уступку со стороны авторитарных правительств.

Исходя из концепции "ограниченного плюрализма", политолог Жагуариб ввел понятие "необисмаркской" стратегии. Он относит это к полуавторитарным правлениям в переживающих период индустриализации странах с многопартийной системой, созданной под эгидой государства, которое направляет политическое расслоение в определенное русло с целью социализации в консервативном духе мелкобуржуазных и рабочих масс. Этот политический метод вызывает у Жагуариба ассоциацию с Бисмарком и Варгасом. Кстати, и наш

собственный анализ подтверждает, что эта стратегия на основе технократического обоснования используется не только в области политической социализации, но и в области экономики с целью привлечения иностранного капитала и создания условий для "общества потребления". Такова авторитарная динамика, "проникающая в экономическое развитие", которая была присуща франкистскому режиму после 1958 г., военному режиму в Бразилии или "просвещенной диктатуре" последнего шаха Ирана, а также М.Кемалю в Турции и даже правительству Южной Кореи в 60-х и 70-х годах.

Иначе подходит к вопросу политолог Г.О'Доннелл, изучающий "авторитарно-бюрократическую модель". Вначале он намеревался проанализировать два специфических аспекта латиноамериканской проблематики авторитаризма: во-первых, связь между экономической и культурной "зависимостью" стран Латинской Америки и появлением в них военной диктатуры нового типа, а во-вторых, институционализацию этих режимов и складывание новых отношений между государством и обществом (с.300). В отличие от популистских правительств, "военно-бюрократические диктатуры" не прибегают к националистическим силам, предпочитая доктрины "национальной безопасности", которые вполне уживаются с допуском в эти страны в процессе индустриализации многонациональных корпораций. О'Доннелл считает, что задача этих режимов заключается в восстановлении авторитета государства под эгидой единственной группы в обществе - военных, которые технически и социально способны осуществить эту операцию. Позднее, после адресованной ему критики со стороны А.Хёршмана, О'Доннелл видоизменил свою модель, признав, что стратегия социальной и экономической модернизации "авторитарно-бюрократического" государства может проводиться не только военными режимами. Бюрократическое государство вполне может быть представлено сильной гражданской властью или такой, что уже находится в процессе "демилитаризации"; исключительность исполнительной власти вполне может сочетаться с соблюдением других основных правил демократии или проведением демократических структурных

и культурных преобразований. Эта уточненная концепция О'Доннелла до некоторой степени совпадает с концепциями Коллье и Курта, которые считают, что созданное под эгидой бюрократического авторитаризма общество потребления ведет к его исчезновению и замене его более репрезентативными формами правления, более похожими на те демократические формы, которые ныне существуют в индустриальных странах.

"Авторитарно-бюрократическая" парадигма вводит категорию "военных режимов". Даже в современном смягченном виде военный авторитаризм остаётся одной из старейших форм диктатуры, восходящей как минимум к власти Мамлуков в Египте XI-XIII вв., но в общем неотъемлемой от первых опытов начального периода современного государства. Что касается современности, то в последние двадцать пять лет масса литературы посвящена вмешательству в политику армии в "третьем мире".

Начиная с 1945 г., выступления военных происходят в самых разных национальных, региональных и исторических условиях. Военные диктатуры в разной степени соответствуют различным идеологическим направлениям (с.301). Марксизм-ленинизм "экзотической" либо польской разновидности, радикальный популизм в ливийском или перуанском виде, бразильский модернизаторский консерватизм или контрреволюционные, но неолиберальные репрессии генерала Пиночета и аргентинских военных - всё это современный военный авторитаризм.

Специалисты по военному авторитаризму делятся на две группы. Одни считают, что военные имеют особую "склонность" к захвату власти, объясняя это тем, что офицеры берут на себя роль, обычно выполняемую элитой, когда гражданской элиты либо не существует, либо она слишком слаба, чтобы руководить страной. Другие придерживаются той теории, что узурпация власти военными - это либо побочный продукт "империалистического господства и угнетения", либо следствие интриг США.

Новейшее исследовательское направление в этой области близко к теории С.Хантингтона о "преторианской динамике" отношений между государством и обществом. Представители этого направления, включая А.Рукье, во-первых, рассматривают

разнообразные формы военного авторитаризма с позиций отношений между национальным государством в период, когда оно переживает кризис, и его вооруженными силами, а во-вторых, пытаются опровергнуть миф о том, что не может быть "политики военных", пытаюсь понять, как функционирует "военная партия", которая не обязательно совпадает с аппаратом власти как таковым (с.302).

Для "ортодоксальной" политологии авторитарные режимы - это монстры, которых она может лишь обозначать, но не познавать, несмотря на то, что они имеют свою внутреннюю динамику и отношения с окружением. Если процесс легитимации в условиях демократии обрывается, политологи, изучающие его, обычно останавливаются, не решаясь практически исследовать, как осуществляется незаконная диктатура. Поэтому в изучении функционирования авторитарных режимов обнаруживается больше пробелов, чем заслуживающих внимания результатов.

Проблема, достойная анализа - это институционализация авторитарных режимов; ее изучением занимается практически один Х.Линц. Еще один вопрос - это их идеологическая деятельность, процедуры и методы убеждения, а также "легитимация незаконности". Здесь можно назвать работы Грегора и Ж.-П.Фэя о фашистской социализации, работу Медьероса об авторитарной идеологии в Бразилии, работы Л.Хербана о культе Дювалье на Гаити или наш собственный анализ стратегии франкизма по вопросам информации. Самое удивительное - это отсутствие у исследователей интереса к вопросу о репрессиях и контроле над населением, яркий пример которых должны, казалось бы, дать диктатуры. Исключение составляет исследование Х.Пейна и Т.Зелдина о Второй Империи, беглые замечания Чэдмэна о полицейском государстве, обстоятельный анализ Виарда о диктатуре Трухильо в Доминиканской республике.

Более многочисленны работы, посвященные единственному или господствующим авторитарным партиям, их структуре и протекающим внутри них процессам (с.303). Следует упомянуть анализ нацистской партии, сделанный Гертом, фундаментальные исследования

С.Пейна и особенно Линца об испанской фаланге, а также работы Гарридо о мексиканской Институционно-революционной партии (ИРП) и Харика о единственной партии в Египте.

Что касается пополнения элит и связанных с этим процедур кооптации, то по этому вопросу известны работы, посвященные фашистской и нацистской элитам. Следует упомянуть также работы Андерсона, Кокрофта и Смита по кооптации в Мексике, Линца - во франкистской Испании и Маклера - в салазаровской Португалии. Кроме того, в ряде работ рассматривается реальная динамика "авторитарного плюрализма" на основе отношений диктаторской власти с внешними для нее силами, которые могут быть представлены частью государственного аппарата, ставшей оплотом умеренной оппозиции, или оппозицией как таковой, причем подпольной. В этой связи франкистская Испания вновь становится объектом исследования для того направления, которое возглавляет Линц. Наряду с этим, ряд работ посвящен роли религиозных сил, "подменяющих партии" в Польше, в Африке, в Португалии и Испании. В зачаточном состоянии находится изучение объявленной вне закона оппозиции диктатурам; анализ их обычно ведется не столько с аналитических, сколько с партийных позиций. Следует констатировать, что мало работ посвящено рабочему или студенческому движению во франкистской Испании, как и коммунистической партии Испании, объявленной в тот период вне закона. Парадоксально, что режимы, объявившие своей главной целью противостояние проявлениям классовой борьбы, так мало изучаются под углом зрения практических результатов своей деятельности и ее последствий для рабочего движения.

Относительно хорошо изучены механизмы авторитаризма в области "технологии" проведения выборов в условиях диктатур (с.304). В частности, французским Национальным фондом политических наук проведен по этой проблематике сравнительный анализ средневропейских, латиноамериканских и исламских стран.

Еще большую несостоятельность приходится констатировать в области изучения направлений и последствий реальной политики авторитарных режимов. Политологи, изучающие феномен авторитаризма, исходят из неподтвержденных гипотез о конечных задачах

диктатур: авторитаризм они определяют с точки зрения той социальной базы, которую они ему приписывают, а также с точки зрения ее идеологически осмысленных конечных целей. Расходящиеся с этой гипотезой действия правительств игнорируются. Однако исходить из того, что реальный авторитаризм является лишь орудием постулируемых интересов меньшинства общества — это методологически так же верно, как, например, понимать демократию как систему, исключющую какие-либо особые преимущества для меньшинства.

Кроме того, эта предвзятость основана на упрощении. Во-первых, считается, что в промышленно развитых обществах современные правительства могут использовать три вида политических ресурсов: 1/ принуждение в чистом виде; 2/ апелляцию к ценностям или "идеологическую индоктринацию", промывание мозгов; 3/ вознаграждение индивидов, групп или целых социальных классов символическими или статусными знаками отличия, т.е. повышением статуса, предоставлением экономических или материальных преимуществ конкретным категориям или населению в целом. Принято считать, что диктатура почти исключительно использует первый или второй ресурсы в отношении масс населения, а два других оставляют для привилегированного слоя (с.305). Кроме того, считается, что законность режима измеряется его отказом от использования такого ресурса, как принуждение; это должно быть присуще демократиям, основанным фолько на идеологическом согласии, выраженном в ходе выборов и закрепленном справедливым распределением символических и материальных ресурсов. Рассуждая от противного, это означает, что авторитарные режимы отличает преимущественное использование репрессий; это обусловлено антизаконностью их идеологии и несправедливым по сути характером производимого ими перераспределения экономических ресурсов и знаков отличия.

Однако в действительности эти представления основаны частично на идеализированном преувеличении возможностей идеологического убеждения, а с другой стороны, на ошибочной вере в то, что при авторитарных режимах политические формы имеют большее значение, чем экономические императивы. Конечно,

авторитарным режимам трудно доказать свою легитимность, особенно в силу того, что они практикуют интенсивные репрессии. Что касается всего остального, то они могут возразить, что они используют величайшее многообразие ресурсов, которыми располагает власть. Преимущественное использование такого ресурса, как принуждение, обычно свидетельствует о бессилии слабых диктаторов. Другие, более гибкие диктатуры, такие, например, как диктатура Перона или Варгаса, использовали лишь идеологическое оружие или символические награждения для обеспечения себе достаточной поддержки со стороны значительной части населения.

В наши дни гораздо больше таких авторитарных режимов, которые почти осуждают применение "идеологической индоктринации" и пользуются репрессиями в минимальных дозах, основывая свою стратегию на здоровой экономике, и ощутимых преимуществах для более широких секторов общества, чем малочисленная привилегированная группа. Таким, в частности, был франкизм позднего периода, авторитаризм Каэтано в Португалии, власть бразильских военных после 1964 г. и целый ряд режимов периода индустриализации в Азии (в Южной Корее, на Тайване, в Сингапуре) или Африке (Берег Слоновой Кости, Тунис). Режимы, которые проявляют желание основывать свою легитимность не на националистических речах или кровавом истреблении оппонентов, а на демонстрации практической эффективности своего управления, привлекают на свою сторону значительную часть "политического рынка". В таком случае авторитарные режимы тех стран, которые пошли по пути индустриализации, должны тоже, как и демократии, рассматриваться с точки зрения их экономической и социальной политики, или с точки зрения процессов принятия тех решений, которые легли в основу их политики.

Кстати, авторитарные государства всегда рассматриваются как некое исключение, отклонение от "нормы", приходящее на смену олигархическому или демократическому правлению, которое считается более "нормальным". В действительности же такое

отношение отражает лишь эстетическую норму и нежелание признать тот факт, что авторитаризм тоже вносит свой "конституирующий" вклад в становление как западного, так и не-западного мира. Авторитарные режимы не являются случайностью. Как и во всех остальных, в них переплетаются и глубинные, и случайные факторы. С точки зрения долгосрочной перспективы, они тоже по-своему способствуют и равновесию, и политическим деформациям, особым в каждой стране (с.306).

И наконец, авторитарные режимы, также как и демократии, в настоящее время демонстрируют то спад, то подъём динамики. В этой связи можно разделять беспокойство всех, кто отмечает, что напряженность, порожденная индустриализацией, подрывает демократический консенсус и способствует укреплению авторитаризма. С другой стороны, хотелось бы верить, что диктатуры окажутся ослабленными и даже - в результате экономической и социальной активизации, которую в наши дни они зачастую вызывают - придут к модернизации, матери демократии. Хотя это нельзя с уверенностью предсказать: ведь не случайно Ф.Шмиттер считает, что "социальная модернизация дестабилизирует любые формы правления". Это дает надежду демократам, но, к несчастью, не ослабляет тенденцию к авторитаризму (с.307).